

подчеркивая это, автор отправляет героев в музей изобразительных искусств, к мраморной скульптуре любовников. — Описание первой совместной ночи еще более «снижено»: на кровати в общежитии тесно двоим, и героиня после любви с восхищением наблюдает сон Варгиза, далеко не Аполлона, грузного, сопящего, — его внешность не имеет никакого значения.

Понимает ли ее Варгиз? Понимает ли она Варгиза, его рассказы о такой далекой жизни в нищей индийской деревне, христианском монастыре и марксистском кружке, о его поиске смыслов? Возможно ли вообще сегодня понимание между людьми — не только разных культур, но людьми вообще? Может ли любовь растопить лед одиночества, которым пронизан современный мир? На этот вопрос роман Рыбаковой не дает окончательного ответа. Но говорит о возможности расширить пространство любви, заручиться ее поддержкой, выстраивая свой собственный путь к счастью — как виртуальную лестницу в высшему блаженству.

«Если Ганди был: свести себя к нулю, а желание Гроссшмида — сохранить автономию личности несмотря ни на что — то такие, как я, оказывались где-то посередине. Не в силах отказаться от себя, но и не в состоянии быть самими собою. С маленьким пространством

любви: я и Юлик, я и Варгиз. Но может быть, это маленькое пространство любви можно было расширить, если любить то, что к ним относилось, — то, что напоминало о них. Книжки Юлика. Его лоб, прикрытый веснушками. Запах Варгиза. Его город. Имена обоих. Голубей, собак».

Героиня обретает счастье в хрупком и аскетичном рукотворном храме — съемной комнате в Старом Дели («из мебели там только железная койка и деревянная тумба с двумя кружками, а на потолке, покрытом трещинами, — круглые часы... По стенам я развесила черно-белые виды того города в Центральной, Восточной Европе, где мы встретились в один холодный день». Здесь герои изредка встречаются втайне от своих семей. Это — рай. Тут нет места отчаянию и смерти.

Расширение пространства любви — утверждает Мария Рыбакова — это спасение от разорванности и безумия современного мира и одновременно от «слепого ангела истории», преследующего выходцев из тоталитарных систем, и от темных глубин человеческой сущности, от всемирного зла. Ее лестница в небо, выстроенная из безграничного сочувствия, радости прикосновений, из отрешения от эгоизма и из любви.

Владимир Шпаков

Битва за историю

С советским наследием давно пора разобраться непредвзято, вдумчиво и взвешенно. По счастью, время безудержного негативизма и злобного попрания былых святынь кануло в Лету; кажется, и эпоха ностальгии по СССР, когда всячески выпячиваются плюсы и упорно замалчиваются минусы, проходит. А значит, самое время оценить то, что свершалось (или не свершалось)

Михаил Кураев. ОТЕЦ и ДРУГИЕ плюс ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ: Исторические свидетельства. — С.-Пб.: ИД «Петрополис», 2018.

в советский период, с фактами и архивными сведениями в руках. Большое видится на расстоянии, каковое теперь вполне достаточно, чтобы сфокусировать нашу оптику должным образом.

Этим, собственно, и занимается известный питерский прозаик и кинодраматург Михаил Кураев в своей новой книге «Отец и другие плюс электрификация». Уже по одному названию (помните знаменитое ленинское определение коммунизма?) понятно, что речь пойдет об индустриальных свершениях

советского периода, когда электрификация виделась палочкой-выручалочкой для аграрной страны, панацеей, призванной вытащить лапотную Россию из вековой отсталости.

Однако — не торопитесь делать выводы, об электрификации речь пойдет, но не сразу. В пространном прологе осуществляется глубокое погружение в историю России, поскольку эта история очень по-разному трактуется представителями различных общественных течений. В ней до сих пор присутствуют белые пятна, подтасовки, а иногда встречается и откровенная ложь, причем узаконенная и вошедшая в сознание на уровне «всем известных» стереотипов. С подобными стереотипами автор счел своим долгом разобраться по существу, невзирая на общепризнанные авторитеты. «Браконьерство в исторических дебрях — занятие вовсе не любительское, это промысел, работа на "заказчика", если и не прямого, то все равно, как правило, достаточно легко вычисляемого — политического, идеологического, кланового, конфессионального и т.д.» Стакими вот «браконьерами», «заказчиками», а также плодами их деятельности Михаил Кураев и разбирается в прологе, названном весьма красноречиво: «Битва за историю».

Биться за нее есть резон, причем не только нам, российским гражданам, проживающим в стране с «непредсказуемым прошлым». Прошлое любой страны в той или иной степени непредсказуемо и может быть в любой момент перевернуто с ног на голову, что и доказывается целым рядом примеров. Везде есть свои «шулера» от исторической науки, а также по-историка, готовые предъявлять невзыскательной публике захватывающие и полные интригующих поворотов варианты прошлого. По вине таких деятелей очень многое в нашей истории искажено, перевернуто, ложные версии событий даже в школьные и вузовские учебники вошли. Например, версия покушения на царя-освободителя в общественном сознании — сплошное темное пятно, которое еще более затемняют недобросовестные интерпретаторы. А Борис Годунов, якобы закабаливший русского крестьянина на века, да и вообще совершивший (опять же, якобы) множество непростительных мерзопакостей? А Пётр Третий, который выглядит в общественном сознании как полная карикатура на монарха и человека? Да и Павлу Первому не весьма повезло — сделался той же карикатурой, хотя в его коротком послужном списке немало толковых дел и полезных начинаний.

Пролог выглядит почти самостоятельной книгой, где в сжатом виде проанализирован целый ряд спорных моментов российской истории. Далее следует сама книга «Отец и другие, плюс электрификация», тут автор позволяет себе более подробный и вдумчивый разговор о событиях менее отдаленных, нежели эпоха Годунова. Как ни странно, мифологизированы эти события, отстоящие от нас меньше, чем на столетие, гораздо серьезнее, нежели времена воцарения Рюрика. Именно советский период отечественной истории более всего нуждается в объективации, в очищении от лжи как либерального, так и прокоммунистического толка. А в таком случае лучше всего обратиться к конкретным историческим фактам, уйдя от милых сердцу идеологических доктрин.

Ближе всего человеку факты его собственной биографии, а также события семейной истории. На этой основе автор и строит свое документальное повествование, где один из главных героев — его отец, Николай Кураев, строитель Нивского энергетического каскада, впоследствии четверть века возглавлявший Ленинградское отделение Оргэнергостроя. Трудовой путь отца автор прослеживает подробно, начиная с момента его встречи с легендарным строителем ДнепроГЭСа Александром Васильевичем Винтером. Двадцативосьми-летний инженер Кураев с минимальным опытом работы по решению Наркомата был назначен главным механиком НиваГЭСстроя, что для нашего инфантильного времени — нонсенс, а для той эпохи, считай, норма. Совсем молодые люди назначались на самые ответственные посты и должности и, как правило, блестяще справлялись со своими обязанностями!

А если, спросите вы, не справлялись? Тогда статья за вредительство и — секир башка? Верно, случалось и такое, что в книге иллюстрирует история начальника цеха на 310-м заводе в Кандалякше С.М.Верещака. За чужую халатность — арест, допрос с пристрастием, избивание в НКВД, само собой, исключение из партии. Все это могло кончиться ГУЛАГом (или того хуже — расстрелом), однако честное заключение Николая Кураева спасло и жизнь, и честь обвиняемого, и такое тоже, надо отметить, случалось.

Автор отходит от общепринятой концепции истории, предстающей по преимуществу как смена властителей и череда военных побед-тире-поражений. «В конечном счете, человеческая история — это история труда», — утверждает писатель, и с ним трудно

не согласиться. Собственно, этот труд, высокопрофессиональный, самоотверженный, обеспечивающий невероятные результаты, и показан в книге. Чего стоит деятельность одного лишь Генриха Осиповича Графтио, по сути — основателя советской энергетики, воплощавшего в жизнь план ГОЭЛРО. Энергичный, эксцентричный, гениальный Графтио и в царской России пытался продвигать свои проекты, понимая как никто: двадцатое столетие — это век энергии. Увы, косная и неповоротливая система не шла навстречу техническому гению, а вот Советы пошли навстречу, и это следует учитывать при сравнении разных эпох.

Михаил Кураев не идеализирует советское время, отнюдь, он просто пытается всмотреться в него внимательно и объективно. Чтобы показать: эпоха была наполнена беззаветным, подвижническим, упорным трудом миллионов людей, что за полтора десятилетия вытащили страну из разрухи и по некоторым позициям приблизили СССР к ведущим мировым державам (в части энергетики — уж точно приблизили). Всех их не перечислишь, но многие отмечены: начальник Братскгэсстроя Иван Наймушин, нарком электростанций СССР Дмитрий Жимерин, начальник электроотдела ВСНХ Петр Смилович и еще множество других людей, причем вовсе не обязательно работавших в области энергетики.

«Что же отличало этих удивительных людей? Бескорыстие? Да, конечно. И страсть!» Не удовлетворяясь изложением фактов, автор пытается нащупать мотивы их деятельности, в частности, утверждает: «Самым характерным, по моему убеждению, для советских людей была *сближенность исторического и личного*. Без этого не понять, как можно было за считанные годы создать страну, какой еще не было на планете». Ис с этим утверждением тоже хочется согласиться. «Энергия заблуждения» (выражение Л.Н.Толстого) у тех поколений была колоссальная, именно она дала возможность реализовать немислимые по масштабам проекты. Да, автомат и кованный сапог вертухая тоже подвигали к «трудовым победам», но рабский труд в двадцатом веке никого и никогда не приводил к успеху. Во всяком случае, Минэнерго, как утверждал с полным на то основанием министр Дмитрий Георгиевич Жимерин, при реализации своих проектов не использовало труд «спецконтингента», этим занималось Министерство внутренних дел.

Причем одной лишь истории становления советской энергетики автору явно мало. По

ходу книги мы узнаем, к примеру, о феноменальном по темпам и результатам восстановлении разбомбленных стратегических производств в Ярославле и Горьком. И о «бомбежках» мирного времени здесь тоже рассказано — как иначе оценить циничное разбазаривание Военно-морского флота СССР, когда в эпоху перемен советские авианосцы перепродавались, как мешки с картошкой, *неустановленным лицам*? В итоге создается обширная и панорамная картина, где достижения советского периода истории существуют рука об руку с утратами периода современного. Речь вовсе не о реабилитации и идеализации «совка» (этого слова, замечу, автор не употребляет), баланс достижений-потерь очевиден из приводимых показателей. И становится предельно ясно, что нынешний класс собственников, все эти участники списков Forbes и обладатели многомиллиардных состояний, по сути, присвоили труд именно советских поколений, разделили на новорусском междусобойчике итоги напряженной, упорной работы миллионов, а сами — практически ничего не создали.

Особо следует отметить стилистику книги. Если кто-то представляет ее занудным трактатом с реестрами фактов и колонками цифр, то он глубоко заблуждается. Цифр и фактов действительно хватает (куда без них?), однако манера изложения тут зачастую страстная, изобилующая сценами из жизни. Целый ряд фигурантов предстает не безликими именами-фамилиями вкупе со списком их трудовых деяний, а живыми характерами, со своими противоречиями и человеческими особенностями. Сугубо личные воспоминания, связанные с детством и юностью автора, переплетаются тут со сценами, почерпнутыми из рассказов отца или иных очевидцев, так что текст можно с полным правом назвать *прозой*, пусть и документальной.

Стоит отметить и неугасающий на протяжении всего повествования пафос историка, пытающегося разобраться в том, что в отечественной истории справедливо, что — чудовищно, что — гуманно, а что — бесчеловечно. Непростая, скажем честно, задача, многие профессионалы ломали и продолжают ломать копья на этом ухабистом поле. И все же автор по возможности старается выпрямить те искривленные (зачастую — сознательно) представления об историческом процессе, что формировались с незапамятных времен и продолжают формироваться лукавыми «бенефициарами», обращающими ложь в те или иные дивиденды.

Понятно, что «Битва за историю» далеко еще не окончена. И эта книга не является эпохальным сражением по типу Сталинградской или Курской битвы, что раз и навсегда переламывает ход событий. Тем не менее, это важное позиционное сражение, которое писатель Михаил Кураев, без сомнения, выиграл. Хочется надеяться, что найдется множество других компетентных и честных авторов, которые тоже скажут свое слово, тоже поучаствуют в «битве» (ведь один,

как известно, в поле не воин). Мы просто обязаны создать вменяемую и убедительную картину собственной истории, очистив ее от мифологической шелухи. ЧТО случается с народом, живущим с искаженной, изуродованной и в изрядной степени вымышленной версией собственной истории, мы видим на примере ближайшей страны-соседки Украины. Миф и ложь в этой области, иначе говоря, небезопасны, зачастую чреватые развалом государства и угасанием полноценной народной жизни. А этого нам не надо.

Зульфия Алькаева

Падеж дарительный

Будучи не только поэтом, но и незаурядным художником, Надежда Ярыгина любила раздаривать знакомым рукодельные сувениры: плетеные из ниток и бисера сердечки, рыбки, звездочки. Чаще всего — листики. А выставка ее крупных фантастических панно в родном Иркутске носила поэтическое название «Уловители снов». Кажется, Надежда туда и ушла, в свои яркие сновидения... Но к счастью, оставила друзьям и читателям трилистник. Неувядающий, нерукотворный. Состоящий из книг стихотворений: «Есть ощущение» (2012), «Случилось нечто» (2015), «Если память не изменяет» (2017). «Тихие» названия, если вдуматься, презентуют еще и авторский триптих жизненных циклов: чувство — чудесное рождение — опыт и память.

Вобширной подборке из 182 стихотворений нет разделов — сюжет книги крепок за счет переключки отдельных произведений и тем. Заключительная авторская «картина». Третью книгу поэтесса успела составить сама, но подержать в руках не довелось. Спокойная разговорная фраза «Если память не изменяет» звучит как последнее «прости» иркутской знаменитости, ставшей с легкой руки Алексея

Алехина постоянным автором московского «Ариона», а потом и автором журналов «Новый мир», «Дружба народов». Название сборника фиксирует сомнение, сигнализирует: не обессудьте, мол, дорогие читатели, если что неточно помню или записала; особенно простите, коли попадется вам какая жалоба.

И все же Надежда Ярыгина во многих стихах остается неунывающей и дерзкой, каким-то разухабистым своим парнем. Мария Галина вспоминает, как, «услышав ее невозмутимо-ироничное — и сдержанно-артистичное — чтение раскованных и даже в какой-то мере хулиганских текстов, всегда с неожиданным вывертом, с кунштюком в последних строках на поэтическом фестивале в Иркутске», Михаил Айзенберг воскликнул: «Да это же Виктор Коваль в юбке!» В скоморошских проделках поэта — детская непосредственность и взрослая печаль. Смерть не посмела такое перечеркнуть. Всей своей книгой поэтесса говорит: не верьте, я не умерла — просто хитро от вас схоронилась, спряталась. Вон, под той сосной да под елкой. А ну-ка, поищи!..

Открывающее книгу стихотворение «На фарфоровых часах» с одной стороны — считалочка, где время тоже играет в прятки, катится по льду, припевая: «Тебя найду», с другой — отсылка к Заповедям блаженства

Надежда Ярыгина. Если память не изменяет: Книга стихотворений. — Иркутск: Тип. «Форвард», 2017.